

Ярослав ГРЫЦАК

**НАЦИОНАЛИЗИРУЯ МНОГОЭТНИЧНОЕ
ПРОСТРАНСТВО:
ИСТОРИИ ИВАНА ФРАНКО И ГАЛИЦИИ***

Нет, это не история про испанского каудильо Франциско Франко (*Francisco Franco*) и про испанскую же Галисию. Наша история – про украинского писателя Ивана Франко из габсбургской Галиции. Украинского и испанского Франко роднит не только фамилия, но и предполагаемое еврейское происхождение.¹ Если это так, то история их родов может быть косвенным свидетельством масштабности обращения иудеев в католицизм: их фамилия происходит от имени Франциск, ставшего популярным в католическом мире по мере распространения культа святого Франциска. Территория его бытования охватывала юго-

* Статья представляет собой переработанный текст доклада, представленного на конференции “Internationalizing the History of Eastern Europe” (Гарвардский университет, США, 10-12 мая 2007). Англоязычный оригинал будет опубликован в: *Wege zum Imperienvergleich. Ansätze und Beispiele aus osteuropäischer Perspektive. Festschrift zum 65. Geburtstag von Andreas Kappeler.* (= Forschungen zur osteuropaäischen Geschichte) / Hrsg. von Guido Hausmann und Angela Rustemeyer. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2009. Мы признательны составителям этого тома в честь Андреаса Каппелера за разрешение напечатать русскую версию текста.

Перевод с английского М. Могильнер.

¹ О возможном еврейском происхождении Франциско Франко см.: Paul Preston. *Franco. A Biography.* New York, 1994. P. 1.

восточные и восточные границы западного христианства, распространяясь на Балканы и Восточную Европу.² Писатель Франко родился в самом восточном регионе габсбургской империи, где сосуществовали две большие христианские церкви – Римская католическая и Греческая католическая (униатская, которая сочетала византийский ритуал – отсюда Греческая – с подчинением Римскому престолу). Религиозные различия там во многом совпадали с этническими и географическими вариациями: католиками были поляки, проживавшие в западной части региона, в то время как греко-католики составляли большинство населения западной Галиции и были украинцами. Термины “поляки” и “украинцы” в данном контексте звучат несколько неуместно, поскольку до падения Габсбургской монархии их содержание волновало преимущественно лишь представителей местных образованных классов населения. Крестьяне римского и греко-католического исповеданий, вместе составлявшие большинство населения края, называли себя, соответственно, *мазурами* и *русинами*. Имя *Францишек/Франек* пользовалось популярностью преимущественно среди мазуров и пришло в восточную (русинскую) часть Галиции вместе с “мазурской колонизацией Руси”. Некоторые мазуры ассимилировались в русинскую крестьянскую среду, сохраняя при этом свое вероисповедание, и хотя многие из них говорили на русинском наречии, своим детям они давали такие традиционные имена, как Франек, Войцех или Казимир.³

Франко воспринимал себя как продукт не польской, а немецкой колонизации. Он считал, что его предки – немецкие колонизаторы – пришли в Галицию в 1772 году, сразу после аннексии края Габсбургами [19, с. 193].⁴ Эта версия не находит поддержки в новейших исследованиях по генеалогии Франко,⁵ хотя немецкое происхождение семьи не исключается. Название “Галиция” ассоциировалось с памятью о средневековом русинском Галицком княжестве, которое в 1340 году вошло в состав

² Zofia Kozłowska-Budkowa. Franko, biskup polski // Polski Słownik Biograficzny. T. VII. Firlej Jan – Girdovojć Kazimierz. Kraków, 1948-1958. S. 82; Aleksander Birkenmajer. Franko z Polski // Ibid. S. 93; Zvonimir Turina Křevan. Liber roda Turinskog i Franko od nastanjivanja u primorskom kraju, te of 1673-1969. Rijeka, 1971. S. 85-88.

³ И[ван] Наумовичъ. Назад къ народу! // Слово. 25 июля (6 августа) 1881. № 79. С. 2.

⁴ В дальнейшем цифра в скобках указывает на номер тома в Собрании сочинений Ивана Франко (Иван Франко. Зібрання творів: в 50 тт. Київ, 1976-1986). Вторая цифра указывает на номер цитируемой страницы.

⁵ Роман Горак. “Я є мужик, пролог, не епілог...”. Повість-документ // Київ. 1989. № 9. С. 9-59.

Польского королевства, известного позднее как Речь Посполитая или Польско-Литовское государство. И в Галицком княжестве, и в Речи Посполитой позиции немецких бюргеров и ремесленников были достаточно сильны. Так что предки Франко могли появиться на этих землях в те давние времена, на гребне первых волн немецкого *Drang nach Osten*.

Франко родился в 1856 году в карпатской деревне на юго-востоке Галиции. Его отец был богатым кузнецом, а по материнской линии он принадлежал к мелкому шляхетскому семейству Кульчицких/Кульчицьких.⁶ Варианты написания фамилии передают смешанную “польско-украинскую” идентичность семьи. Большая часть старого русинского дворянства в Речи Посполитой окатоличивалась и, соответственно, ополячивалась. Однако множество мелких шляхтичей сохраняли и некоторые элементы русинской культуры. В родовой деревне матери Франко говорили на русинском языке и молились по греко-католическому обряду, при этом культивируя образ Речи Посполитой до “разделов”. Один из дядей Франко по материнской линии добровольно участвовал в Польском восстании 1863 и погиб, защищая права поляков в Российской империи; другой стал униатским священником.⁷

Будто нарочно усложняя и без того непростую ситуацию, некоторые греко-католические священники проповедовали, что они и их паства на самом деле не русины, а руськие. Их руськая идентификация имела мало общего с Российской империей: проповедники “руськости” свою воображаемую родину помещали в допетровские времена *Святой Руси* – в мир восточного христианства, не испорченный западным влиянием. Во времена юности Франко (1860–1870 гг.) это русофильское течение доминировало в культурной и политической жизни галицких русин, что, помимо прочего, отражалось в интенсивном заимствовании русских слов в местных публикациях на русинском языке. Описанное драматическое переплетение идентичностей лаконично суммировано в вопросе, который молодой русинский интеллектуал адресовал своему

⁶ Двумя наиболее известными представителями клана были украинский казак гетман Петро Сагайдачный (1570-1622) и герой Битвы при Вене 1683 года Георг/Ежи/Юрий Колчинский/Кульчицки/Кульчицький (1620-1694), который также волей случая был владельцем первой венской кофейни – см: Іван Волчко Кулчицький. Історія села Кулчиць і роду Драхо-Сасів (700-ліття села і 1000-ліття роду). Дрогобич, 1995; Polska Encyklopedia Szlachecka. Warszawa, 1937. T. VII. S. 217-218.

⁷ Волчко Кулчицький. Історія села Кулчиць; Polska Encyklopedia Szlachecka. S. 217-218.

отцу – русинскому поэту: “Скажи мне, отец, кто мы на самом деле? Мы говорим по-польски, думаем по-немецки, и как же мы пишем? – мы пишем по-русски!”⁸

Русинская ситуация не была уникальной. Образованные галицийские евреи точно так же испытывали сомнения по поводу своей идентичности. Во-первых, было неясно, кем являлись эти 10% местного населения – религиозной группой или народом, и если народом, то каким – немецким, польским или еврейским? Галицийский идиш содержал множественные заимствования из славянских языков, а образованные евреи добавляли в него слова из западных языков. Следующий диалог вполне характеризует их речь:

Wi geje Fraian Berta?
Ach, że swi malaad, że la melankolik.⁹

В лингвистическом отношении Галиция была настоящей Вавилонской башней. Представители образованных классов непременно владели немецким. Владение французским и английским считалось хорошим тоном. Поляки рассматривали французский как защиту от германизации, а к английскому польская аристократия прибегала тогда, когда хотела подчеркнуть свой высокий социальный статус. Помимо четырех основных языков – немецкого и трех местных (польского, русинского и идиша), словарь обыденной речи включал заимствования из румынского, венгерского, латыни, армянского, французского, чешского, церковнославянского, русского, итальянского, английского, турецкого и арабского языков.¹⁰ И это лингвистическое многообразие накладывало отпечаток как на образованные, так и на необразованные классы населения. Именно население Галиции описывалось популярным восточно-европейским определением: “он (она) не говорит на трех языках”, подразумевавшим, что человек может худо-бедно изъясняться на трех языках. Франко не только говорил, но и свободно писал на трех языках. Он стал триязычным (украино-польско-немецким) писателем, что можно рассматривать как уникальный случай даже для

⁸ Корнило Устиянович. М. Ф. Раевский і російський панславизм. Споминки з пережитого і передуманого. Львів, 1884. С. 11; Anna Vernonika Wendland. Die Russophilen in Galizien. Ukrainische Konservative zwischen Österreich und Rußland 1848-1915. Wien, 2001. S. 180-181.

⁹ Tadeusz Burdiewicz. Sprawy narodościowy w utworach Jana Lama // Kazimierz Karolczak і Henryk W. Zaliński (Eds.). Galicyjskie Dylematy. Zbiór rozpraw. Krakow, 1994. S. 83.

¹⁰ Ibid. S. 78-79.

исключительно мультикультурной габсбургской среды: нам известно много двуязычных авторов, но равное владение тремя письменными языками встречалось редко.¹¹

Немецкий и польский Франко выучил в галицийском городе Дрогобыч, где посещал школу и гимназию (1864–1875). Благодаря интенсивным контактам с местной еврейской общиной – а евреи в Дрогобыче представляли большинство (50,4%) – он знал идиш. Евреев было много среди его одноклассников, он зарабатывал на жизнь, занимаясь с детьми из еврейских семей. С тех дрогобычских времен Франко привлекала традиционная еврейская культура (как говорил он сам, его “влек Ориент”).¹² Филосемитизм Франко, его ярко-рыжие волосы и слухи о том, что он мог быть внебрачным ребенком, рождали подозрения в его возможном полуеврейском происхождении. По крайней мере, эти подозрения были широко распространены среди друзей и коллег Франко в столице Галиции Львове (Львув/Лемберг).¹³

Во Львов Фрако переехал из Дрогобыча в 1875 году, когда собрался поступать в университет, и прожил там до смерти, т.е. до 1916 года. Именно во Львове его творчество принесло ему славу. Он писал стихи и прозу, выступал как литературный критик, историк и фольклорист, политический журналист и экономический аналитик. Будучи типичным восточноевропейским интеллектуалом, Франко сочетал литературное творчество с активным участием в политической жизни. Он был одним из основателей и ведущим идеологом первой социалистической организации в Галиции. Вдобавок к своим социалистическим взглядам Франко был атеистом и пропагандистом свободной любви, что в традиционалистской и глубоко религиозной Галиции выглядело как возмутительная интеллектуальная провокация. За свои взгляды Франко

¹¹ G. Wytrzens. Zum literarischen Schaffen Frankos in Deutscher Sprache // Иван Франко і світова культура. Матеріали Міжнародного Симпозіуму ЮНЕСКО (Львів, 11-15 вересня 1986 р.) / Ред. І. І. Лукинов та ін. Київ, 1990. С. 51.

¹² Общий обзор по теме см.: П. Кудрявцев. Єврейство, євреї та єврейська справа в творах Івана Франка // Збірник праць єврейської історико-археографічної комісії / Ред. А. І. Кримський. Київ, 1929. Т. 2. С. 1. Филосемитизм, тем не менее, не помешал Франко выступить с антисемитскими высказываниями в 1880-1890-х гг. См. мое: *Między filosemityzmem i antysemityzmem – Iwan Franko i kwestia żydowska* // Krzysztof Jasiewicz (Ed.). *Świat Niepożegnany. A World We Bade No Farewell. Żydzi na dawnych ziemiach wschodnich Rzeczypospolitej w XVIII-XX wieku. Jews in the Eastern Territories of the Polish Republic from 18th to 20th century.* Warsaw, London, 2005. Pp. 451-480.

¹³ Ludwik Krzywicki. *Wspomnienia*. T. 1. 1859-1885. Warszawa, 1947. S. 265.

расплачивался судебными процессами, тюремными заключениями и социальным ostracismом со стороны общества, но они же обеспечили ему популярность среди “прогрессивных” интеллектуалов в Австро-Венгерской и Российской империях. Франко общался и обменивался идеями с Виктором Адлером, Теодором Герцлем, Томасом Масариком, он вызывал любопытство Георгия Плеханова и Максима Горького – и это имена только самых известных людей его круга.

Из всех многочисленных идентичностей и лояльностей Франко сегодня востребована лишь одна – Франко как национальный украинский поэт, и более того – как *величайший* украинский национальный поэт, уступающий по значимости только выходцу из российской Украины Тарасу Шевченко (1814–1861). К концу жизни Франко считался безусловным лидером формирования современной украинской идентичности, связанной с превращением русин из преимущественно необразованного, аграрного и самодостаточного крестьянского сообщества в преимущественно образованное, мобилизованное и интегрированное общество, а еще короче – в современную нацию. Этот процесс имел далеко идущие международные последствия. Галиция была типичным пограничьем с размытыми и открытыми к оспариванию идентичностями. Как все мы знаем, пограничья играют важную роль в артикулировании идентичностей центра.¹⁴ В этом смысле у Галиции имелась особая “привилегия”: от того, как разрешится местный кризис идентичности, во многом зависело будущее Восточной Европы. Если бы галицийские русины предпочли стать русскими, они бы стимулировали русский ирредентизм в Габсбургской империи; их выбор в пользу украинства стал вызовом целостности титульной “большой русской нации” в Российской империи. Неудивительно, что с конца XIX века Галиция постепенно превращается в *casus belli* между Австро-Венгерской и Российской империями, и в этом отношении по своей значимости она уступала только Балканам.¹⁵

Франко стал примером для многих образованных русин – как его современников, так и представителей следующего поколения. Соот-

¹⁴ Patrice M. Dobrowski. “Discovering” the Galician Borderlands: The Case of the Eastern Carpathians // *Slavic Review*. 2005. Vol. 64. No. 2. P. 380; Peter Sahlins. *Boundaries. The Making of France and Spain in the Pyrenees*. Berkeley, Los Angeles, London, 1989. P. 271.

¹⁵ См.: Klaus Bachmann. *Ein Herd der Feindschaft gegen Rußland. Galizien als Krisenherd in den Beziehungen der Donaumonarchie mit Rußland (1907-1914)*. Wien, München, 2001; Alexander Victor Prusin. *Nationalizing a Borderland. War, Ethnicity, and anti-Jewish Violence In East Galicia, 1914-1920*. Tsucaloosa, 2005.

ответственно, его личный выбор в пользу украинской идентичности имел значительные социальные последствия. В настоящей статье мы предлагаем интерпретацию трансформации Франко в украинского национального поэта. Мы исходим из того, что данная трансформация может быть адекватно понята только в широком транснациональном контексте: Франко поднялся до статуса национального поэта не вопреки, а благодаря межэтническим и межкультурным факторам его биографии, которые выходили за рамки одного или даже нескольких национальных проектов.

Транснациональный контекст

Большая часть заслуги создания концепта “Галиции” принадлежит Вене – это был результат цивилизационного эксперимента Габсбургов в рамках политики просвещенного абсолютизма.¹⁶ В воображении габсбургской бюрократии приобретенная империей восточная территория являлась “Сарматией” – полуазией, символом культурного варварства, политической анархии и экономического упадка. Ответственность за отсталость края габсбургская бюрократия возлагала на местную польскую шляхту и видела свою миссию в том, чтобы “перевоспитать этих сарматских зверей (=польскую шляхту) в нормальных человеческих существ”.¹⁷ Перевоспитание должно было достигаться посредством германизации. При этом Габсбурги не ставили задачу превращения местных этнических групп в немцев – по крайней мере, не всех и не сразу. Но “цивилизованными галичанами” они должны были стать.¹⁸

¹⁶ Larry Wolff. *Inventing Galicia: Messianic Josephinism and the Recasting of Partitioned Poland* // *Slavic Review*. 2004. Vol. 63. No. 4. Pp. 818-840.

¹⁷ Цитирую по: Вадим Ададунов. *Львів у наполеонівську епоху* // *Львів: Містосупільство-культура. Збірник наукових праць* / Ред. Мар'ян Мудрий. Т. 3. Львів, 1999. С. 212.

¹⁸ В письме Францу I (1814) князь Клеменц фон Меттерних писал, что долгосрочной целью габсбургской политики должно стать поощрение германизации польских шляхтичей. Однако он высказывался против ускоренного введения этой политики: “Тенденция не должна сводиться главным образом к единовременному превращению поляков в немцев, но прежде всего – к превращению их в настоящих галицийцев, ограничивая таким образом их самовосприятие как поляков”. См.: Arthur Haas. *Metternich, Reorganization and Nationality*. Wiesbaden, 1863. Pp. 167-169, цит. по: Hugo Lane. *The Galician Nobility and the Border with the Congress Kingdom Before, During and After the November Uprising* // Christoph Augustinowicz, Andreas Kappeler (Hgs.). *Die galizische Grenze 1772-1867: Kommunikat oder Isolation?* Wien, Berlin, 2007. P. 159.

Соответственно этой задаче успех германизации измерялся качеством новых мощеных дорог, чистотой улиц, эффективностью бюрократической машины и, наконец, эlegantностью местных кофеен, которые по отзывам не уступали кофейням Дрездена, Нюрнберга и других немецких городов.¹⁹

Однако в габсбургском цивилизационном проекте имелись определенные моменты, которые могли прочитываться и в национализирующей логике. Реформы Габсбургов неизбежно вели к лингвистической ассимиляции образованных городских слоев населения Галиции. Вплоть до 1870-х гг. во Львове немецкий язык доминировал как в государственной, так и в публичной сферах, и даже уличные торговцы привлекали потенциальных покупателей по-немецки.²⁰ Другим национализирующим моментом была постоянная апелляция к термину *Polnische Wirtschaft* (польская (бес)хозяйственность) как к символу экономического запустения и политической анархии, объясняющих упадок бывшей Речи Посполитой. В таком смысле термин *Polnische Wirtschaft* активно использовался в немецком языке с конца XVIII века, и его наличие отражало существование единой национальной немецкой публичной сферы задолго до создания германского национального государства.²¹

Что бы ни означала габсбургская германизация, местные польские патриоты рассматривали ее как угрозу их польской идентичности. Они высмеивали стремление Вены создать “нацию галичан”²² и объединялись в протесте. В 1846 и 1848 гг. этот протест вылился в антигабсбургские восстания. В более спокойные времена, вплоть до последней трети XIX века, образованная общественность Галиции делила свою лояльность между двумя соперничающими группировками – “партией Шиллера” и “партией Мицкевича”.²³ В их противостоянии не было ме-

¹⁹ J. G. Kohl. Austria, Vienna, Prague, Hungary, Bohemia, and the Danube; Galicia, Styria, Moravia, Bukovina and the Military Frontier. London, 1844. Pp. 433, 451, 455-456.

²⁰ Bolesław Limanowski. Pamiętniki. T. 1. Warszawa, 1958. S. 19-20.

²¹ Hubert Orłowski. Z modernizacją w tle. Wokół rodowodu nowoczesnych niemieckich wyobrażeń o Polsce i o Polakach. Poznań, 2002.

²² Zbigniew Frasz. Galicja. Wrocław, 2000. S. 58.

²³ Jerzy Holzer. “Von Orient die Fantasie, und in der Brust der Slawen Feuer...” Jüdisches Leben und Akkulturation im Lemberg des 19. und 20. Jahrhunderts // Peter Fäßler, Thomas Held und Dirk Sawitzki (Hgs.). Lemberg-Lwów-Lviv. Ein Stadt in Schnittpunkt europäischer Kulturen. Köln-Weimar-Wien, 1993. S. 77-87; Tadeusz Namowicz. Galizien nach 1772. Zur Entstehung einer literarischen Provinz // Friedrun Rinner, Klaus Zerinschek (Hgs.). Galizien als Gemeinsame Literaturlandschaft. Beiträge des 2. Innsbrucker Symposiums polnischer und österreichischer Literaturwissenschaftler. Innsbruck, 1988. S. 72.

ста для партии русинского или – как возможный вариант – еврейского поэта. Русины либо принимали одну из сторон в немецко-польском соперничестве, либо игнорировали его. И лишь небольшое меньшинство среди тех, кто стремился к возрождению русинской идентичности, в 1830-е годы пытались основать свою собственную литературную традицию на местном “крестьянском языке”. Они рассматривали себя как членов единой русинско-украинской нации, в которую входят габсбургские русины наряду с *малоросами* империи Романовых, и ожидали поддержки от Вены, поскольку верили, что, “поддерживая русинскую литературу [в Галиции], Австрия приобретает рычаг влияния в Малороссии”. Габсбургское же руководство относилось к такому сценарию с настороженностью. Начальнику местной полиции приписывают слова о том, что “нам хватает проблем с одной национальностью [поляками], а эти сумасшедшие еще хотят воскресить из мертвых давно почившую русинскую национальность”.²⁴

Ситуация изменилась в ходе революции 1848 года, когда Вена попыталась инструментализировать русинский вопрос как противовес польскому сепаратизму. Русинская интеллигенция, большинство которой составляли униатские священники, оказалась не вполне готова к такому повороту событий: ее интеллектуальный горизонт был ограничен, культурная продукция – ничтожна, а свою идентичность она осмысливала преимущественно в религиозных, а не в национальных категориях. После долгих дискуссий выбор был сделан в пользу русинско-украинского варианта.

Итак, 1848 год знаменовал начало польско-русинского антагонизма. Вначале лидеры русинского движения испытывали признательность Габсбургам за поддержку, но в 1860-х гг., когда в результате габсбургско-польского компромисса власть в крае перешла к польской элите, они оказались предоставленными самим себе. Большинство чувствовало себя незащищенными перед возникшей угрозой. У русинских активистов имелся горький опыт конфликтов с представителями польской элиты – опыт, уходивший в догабсбургские времена. Кроме того, даже до 1860-х годов степень полонизации русинской элиты была достаточно высокой. С учреждением в Галиции автономии, которая была, по сути, польской автономией, масштаб полонизации грозил стать катастрофическим.

Чтобы устоять перед этим новым вызовом, образованные русинские элиты нуждались в собственной динамичной высокой культуре. На

²⁴ Цитирую по: Ivan L. Rudnytsky. *Essays in Modern Ukrainian History*. Edmonton, 1987. Pp. 318-319.

символическом уровне их тревоги и стремления выражались в постоянно воспроизводившемся вопросе: где же наш национальный поэт? Русинская общественность ждала появления кого-то, кто мог бы, пусть с натяжкой, встать в один ряд с такими польскими *wieszczami* (национальными поэтами-пророками), как Мицкевич, Словацкий и Красинский.²⁵ Решение пришло само собой: в 1862 году русинский торговец из Львова, Михайло Дымет, привез из Киева несколько книг Тараса Шевченко. Это был настоящий взрыв: книги разошлись молниеносно, а те, кому не досталось экземпляра, переписывали их от руки. В памяти образованных русин поколения 1848 года чтение Шевченко в 1862 г. оставило неизгладимый след: воздействие его поэзии они сравнивали с религиозным откровением. Шевченко покорял блестящим языком, неподдельным патриотизмом и горячим воображением – иными словами, у него было все то, чего не доставало местным русинским поэтам. И главное, Шевченко подпитывал чувство национального достоинства. Герои его произведений – украинские казаки – одерживали победы над польскими шляхтичами. Идентификация с героическим казацким прошлым давала молодым русинским интеллектуалам надежду на то, что сопротивление польскому давлению возможно и в будущем.²⁶

Однако довольно скоро безусловное превознесение Шевченко сменилось более сложным чувством, связанным с тем, что его поэзия не подходила к местным обстоятельствам: равнинной географии Галиции не доставало манящей красоты украинской степи, а история галицийских русин, казалось, не дает ничего, достойного быть воспетым в стихах. Кроме того, сильная религиозная составляющая русинской идентичности не позволяла принять Шевченко всем сердцем: все-таки украинские казаки были православными и уничтожали греко-католическое духовенство с той же жестокостью, с какой убивали поляков и евреев. Многие из тех галицких русин, кто вначале воспринял Шевченко с энтузиазмом, с годами пережили разочарование.²⁷

В середине 1870-х гг., когда Франко всходил на местную литературную сцену, должность “национального поэта” была все еще вакантной. *Поэтомания* напоминала спорт: трудно было найти образованного юношу, который бы не попробовал себя на поэтическом поприще. Однако

²⁵ Василь Стефанюк. Поети і інтелігенція // Літературно-науковий вістник. 1899. Т. 2. № 6. С. 23.

²⁶ Ф[илип] С[вистун]. Чьмъ есть для насъ Шевченко? Критичное розсужденіе. Львов, 1885. С. 5-6.

²⁷ *Ibid.* С. 14.

выбор языка оставался важной проблемой. Некоторые в духе линии 1848 года писали по-украински, другие же не могли смириться с тем, что язык их поэзии – родной язык необразованных “крестьян и пастухов”. Они предлагали использовать несколько модернизированную версию церковнославянского, и, поскольку подавляющее большинство образованных русин были униатскими священниками, выбор в пользу церковнославянского – их “профессионального” языка – выглядел привлекательным. Наконец, третьи делали более радикальный выбор: вместо изобретения новой национальной литературы они предлагали “позаимствовать” современную русскую литературу. Соблазнительность этого варианта усиливалась тем, что в это время русская литература достигла статуса мировой.

Первая трансформация: 1876

Когда Франко оканчивал гимназию, он еще не вполне разбирался в сути дискуссий о языке [49: 244]. Подобно большинству образованных русин, он колебался. Его ранние работы воспевают Святую Русь, но что конкретно он имел в виду, не совсем понятно: Русь была крайне амбивалентной категорией и в зависимости от обстоятельств могла менять свое значение. Однако молодой Франко четко определился по двум вопросам: во-первых, несмотря на то, что он мог писать стихи на польском,²⁸ он не собирался быть польским поэтом. Некоторые его ранние произведения пронизаны антипольскими настроениями, несколько раз он позволил себе довольно критично отозваться о Мицкевиче. Во-вторых, по его собственным словам, он не собирался писать для крестьян и о крестьянах – его произведения предназначались исключительно для интеллигенции.²⁹ Это признание было парафразом Гете и выдавало его преклонение перед немецкой культурой. Немецкое влияние подтверждается и тем фактом, что переписку со своей невестой Франко вел только на немецком. Он намеревался писать салонную русинскую литературу, которая могла бы соревноваться по популярности среди русинских читателей Галиции с польскими приключенческими и

²⁸ На самом деле гимназический учитель польского Юлиус Турчинский (*Juliusz Turczynski*), сам польский поэт, заявлял, что его ученик Франко писал на польском лучше всех поляков в классе – см: Карло Бандрівський. Спогади про Франка-школяра // Спогады про Івана Франка / Ред. Михайло Гнатюк. Львів, 1997. С. 52.

²⁹ Переписка Михайла Драгоманова з Михайлом Павликом (1876-1895) / Под ред. Михайло Павлика. Т. 2-8. Чернівці, 1910-1912. Т. 2. С. 57, 96.

любовными романами.³⁰ Он создавал себе соответствующий писательский образ: выбрал псевдоним Джеджалик, который условно можно перевести как “франт”, носил фрак и галстук-бабочку.

Радикальная перемена произошла в первые годы его жизни во Львове. Введение автономии для Галиции способствовало переносу во Львов административного центра из Вены. Город переживал небывалый рост. Имея статус столицы края, Львов привлекал значительные государственные инвестиции. В 1870 году во Львове было восстановлено самоуправление, что позволило городским властям направить эти инвестиции на развитие инфраструктуры города. Если в качестве критерия ориентироваться на степень использования этой городской инфраструктуры для каждодневных нужд населения и поддержки городской культуры, можно сказать, что Львов превратился в современный город – возможно, единственный по-настоящему современный на пространстве бывшей Речи Посполитой.³¹ Достаточно упомянуть, что в 1881 году по количеству издающихся в городе литературных журналов на душу населения Львов превосходил Москву, Одессу, Киев и Краков. Если бы тогда его аннексировала Российская империя, по указанному показателю это был бы третий город после Санкт-Петербурга и Варшавы.³²

Развитие города шло параллельно с его колонизацией. Местный университет, с момента своего основания в 1817 году являвшийся оплотом немецкой культуры, стал главной мишенью польского влияния. В 1871 году немецкий язык обучения был заменен польским, а преподавателям дали три года на то, чтобы либо освоить новый язык, либо покинуть университет. Большинство предпочли оставить свои кафедры, что вы-

³⁰ Подобная литература предназначалась, прежде всего, молодым русинским барышням, дочерям греко-католических священников. Их готовили к тому, чтобы стать будущими матерями, и предполагалось, что они будут той “скалой, на которой воздвигнут [национальный] храм”. Тем не менее они читали преимущественно польскую литературу. От редакції “Друга” // Друг. 1 (13) липня 1875. № 13. С. 297-299 (цитата взята из журнала, в редактировании которого участвовал Иван Франко).

³¹ Krzysztof Pawłowski. Miejsce Lwowa w rozwoju urbanistyki europejskiej przelomu XIX i XX wieku // Архітектура Галичини XIX–XX ст. Вибрані матеріали міжнародного симпозіуму 24–27 травня 1994 р., присвяченого 150-річчю заснування Державного університету “Львівська політехніка” / Ред. Богдан Черкес, Мартін Кубелік, Елізабет Гофер. Львів, 1996. С. 125-130; Idem. Narodziny nowoczesnego miasta // Sztuka drugiej połowy XIX wieku. Warszawa, 1973. S. 57-58, 61-68.

³² Korneli Heck. Bibliografia Polska z r. 1881 w porównaniu z czeską, węgierską i rosyjską // Przewodnik naukowy i literacki. Dodatek miesięczny do “Gazety Lwowskiej”. 1882. № 1096.

звало протесты в Вене. В Рейхстаге и в австрийской прессе раздавались голоса против исхода немецких профессоров, что, по мнению критиков полонизации университета, должно было положить конец научной деятельности в его стенах и создать предпосылки для его ликвидации.³³ От имени львовских профессоров критикам ответил Ксаверий Лиске, профессор польской истории. Он отрицал “упадок” университетской науки во Львове, заявляя, что польские ученые ничуть не хуже немецких и даже значительно лучше. По его мнению, ни одна другая нация в мире не могла похвастаться таким количеством научных публикаций на международно признанных языках, как поляки.³⁴

Даже с учетом патриотических преувеличений Лиске был прав по крайней мере в том, что дегерманизация не привела к серьезному упадку уровня преподавания в университете – и до начала полонизации он был беспрецедентно низким. Местные немецкие профессора делились на два типа: большинство не заботили академические стандарты, и они рассматривали свою работу как пожизненную синекуру. Представители амбициозного меньшинства прилагали значительные усилия, чтобы добиться известности и при первой возможности покинуть Львов ради любого “центрального” немецкого университета. Безусловно, *Лемберг* принадлежал к немецкому культурному пространству, но, поскольку он был *самым восточным* немецким городом, он представлял глубоко провинциальный, второсортный вариант немецкой культуры. Провинциальный статус сказывался и на прочих этнических группах. Когда в 1861 году российский консул в Вене Михаил Раевский спросил активиста русинского возрождения 1830-х годов, а ныне профессора русинской литературы университета *Лемберга* Якова Головатского о важных местных новостях, то получил следующий ответ: “Львов – провинциальный город, в нем не происходит ничего важного”.³⁵

Полонизация университета резко изменила его статус по оси “центр – периферия”: из провинциального немецкого он превратился в центральный польский университет. До 1830-х годов этот титул принадлежал Виленскому университету, находившемуся в Российской

³³ Armand Dumreicher. Die Verwaltung der Universitaeten seit dem letzten politischen Systemwechsel in Oesterreich. Wien, 1873. S. 106.

³⁴ Xaver Liske. Der angebliche Niedergang der Universität Lemberg. Offenes Sendschreiben an das Reichsrathsmittglied Herrn dr Eduard Suess prof. an der Universität Wien. Lemberg, 1876. S. 5, 15.

³⁵ Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М. Ф. Раевского 40-80 годов XIX века / Ред. В. Матула, И. Чухуна. Москва, 1975. С. 139.

империи. Но после польского восстания 1831 года Виленский университет был закрыт, а его имущество использовано как база для нового университета, основанного в Киеве в 1834 году. Согласно планам российского правительства, Киевский университет и открытый в 1882 году Варшавский университет должны были стать центрами деполонизации и русификации западных окраин империи.³⁶ В данных обстоятельствах полонизированный Львовский университет, развивавшийся благодаря либеральной политике Габсбургов, неизбежно превращался в центр польской культуры.

Франко поступил во Львовский университет в 1875 году, когда его будущее все еще было под вопросом. Он застал там старых профессоров, воплощавших интеллектуальную местечковость, но продолжавших преподавать благодаря знанию местных языков. Франко испытывал отвращение к “педантичным, бессмысленным лекциям..., бездумной приверженности опубликованным примерам и вербальным формулам” [34: 371-372]. Однако через пару лет ситуация изменилась. Для Франко это стало особенно заметно в 1878-1879 годах, когда он начал посещать занятия Влодзимежа Охоровича (*Włodzimierz Ochorowicz*, 1850-1917), восходящей звезды польской науки. Охорович прибыл во Львов из Варшавы, уже имея репутацию ведущего идеолога польского позитивизма.³⁷ Франко очень много почерпнул из его курсов. Именно Охорович открыл для Франко позитивизм, составивший основу его мировоззрения на многие годы вперед, вплоть до самой смерти [48: 213; 49: 246].

Еще большее влияние на Франко студенческих лет оказал профессор Киевского университета Михаил Драгоманов (Мыхайло Драхоманов, 1841-1895). Драгоманов входил в киевскую украинскую *Громаду*, идеология которой сочетала интернациональный социализм с украинским национализмом. В официальных донесениях Громада характеризовалась как “общество коммунистов”, распространяющих в народе “вредные идеи и мысли”; в одном кармане у членов *Громады* – “произведения Отца Тараса” [Шевченко], а в другом – “Капитал” Маркса.³⁸ Именно Драгоманов предложил формулу сочетания национализма и социа-

³⁶ Michael F. Hamm. *Kiev. A Portrait, 1800-1917*. Princeton, NJ, 1993. Pp. 63-64, 101; Brian Porter. *When Nationalism Began to Hate. Imagining Modern Politics in Nineteenth-Century Poland*. New York, 2000. Pp. 80-81.

³⁷ See: Janusz Khajewski. *Ochorowicz, Julian* // *Polski Słownik Biograficzny*. Vol. 13/1. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1978. S. 499-505.

³⁸ Цит. по: Син України. Володимир Боніфатійович Антонович / Ред. В. Короткий, В. Ульяновський. 3 т. Київ, 1997. Т. 2. С. 39; Сергій Подолинський. Листи та документи. Київ, 2002. С. 435.

лизма: поскольку украинцы были “плебейской” нацией, состоящей преимущественно из крестьян, “соответственно этим украинским обстоятельствам, плох тот украиnofил, кто не стал радикалом [социалистическим], и плох тот радикал, кто не стал украинцем” (“*по обставинам України тут плохий той украиnofіл, що не став радикалом, і плохий той радикал, що не став Українцем*”).³⁹

В 1876 году Драгоманов был вынужден покинуть Киевский университет по обвинению в “социалистических настроениях и украинском сепаратизме”. Его отставка стала лишь звеном в длинной цепи правительственных репрессий, приведших к запрету (1876) публикаций на украинском языке на территории Российской империи. Предвидя репрессии, *Громада* отправила Драгоманова за границу, поручив ему основать на Западе неподцензурный украиноязычный журнал.⁴⁰ Его первой остановкой по пути на Запад стал Львов, где Драгоманова поразила нищета местной интеллектуальной жизни. Посетив лекцию профессора русинской литературы Львовского университета Омеляна Охоновского, он заявил студентам буквально следующее: “Я посетил много мест как в России, так и в Европе, но нигде не слышал таких дурацких лекций, как здесь, во Львове”.⁴¹

Разочарование Драгоманова легко понять: он и его киевские последователи намеревались использовать для украинского дела статус Львова как метрополии. Они хотели основать здесь центр современной украинской культуры и рассчитывали на местных русин как на потенциальных авторов и читателей журнала. Драгоманов разработал план, который бы позволил поднять галицких студентов-русин до уровня ожиданий киевлян. Важнейшим элементом плана являлось распространение среди них “прогрессивной” русской литературы. Во-первых, это должно было продемонстрировать, что местная русинская литература, вопреки заявлениям некоторых русинских писателей, как в смысле языка, так и идеологического содержания катастрофически отставала от того, что производилось в Москве и в Петербурге. Во-вторых, Драгоманов считал, что чтение Герцена, Чернышевского и Добролюбова обязательно повернет молодых галицких писателей от

³⁹ Михайло Драгоманов. Автобіографічна записка // Михайло Петрович Драгоманов, 1841-1895. Его юбилей, смерть, автобіографія і спыс его творив / Ред. Михайло Павлик. Львів, 1896. С. 59.

⁴⁰ Михайло Драгоманов. Документи і матеріали. 1841-1994 / Ред. Іван Бутич і др. Львів, 2001. С. 94-107.

⁴¹ Цит. по: Іван Франко. Передмова // М. Драгоманов. Листи до Івана Франка і інших. Львів, 1896. Т. 1: 1881-1886. С. 5-6.

салонной публики к “народу”, а народническая ориентация логически приведет их к принятию украинской идентичности.⁴²

Не вполне ясно, имел ли Драгоманов в виду Франко, обвиняя молодых русинских писателей в “отсталости”. Но Франко воспринял его слова близко к сердцу: он чувствовал столь глубокий стыд за все содеянное и написанное, что находился на грани самоубийства. В конце концов он не решился покончить с жизнью, но решительно “покончил” со своей прежней идентичностью. Первые признаки обращения сказались в том, что в переписке с невестой он решительно перешел с немецкого на русинский язык. Франко так объяснял свое решение:

Ты спросишь, почему я пишу теперь [тебе] на русинском, а не на немецком? Это просто. Немецкая речь для меня – как модный фрак с пустыми карманами, который носит *Stutzer**. А русинский язык – язык моей любимой домашней одежды, в которой каждый предстает таким, какой он есть на самом деле, – таким, какой я на самом деле, таким, каким я сильнее всего тебя люблю. Русинский язык – язык моего сердца! [48, С. 46].

Искренность этих слов подтверждает сравнение фотографий Франко 1875 и 1881 годов: ушли в прошлое фрак и галстук-бабочка 1875 года; их сменила простая вышитая рубашка – символ украинской крестьянской идентичности.⁴³ Франко также избрал новый псевдоним, Мырон (Мирон), отсылавший к его якобы крестьянскому происхождению.⁴⁴ С тех пор в его произведениях и мемуарах почти невозможно обнаружить отсылки к важному для него когда-то дворянскому статусу.

Франко и сообщество его читателей, 1876-1896

Превращение образованной русинской молодежи Галиции в украинцев было лишь первой частью драгомановского плана. Вторая часть состояла в обращении их в социализм – как того требовали “украинские обстоятельства”. В случае Ивана Франко реализовались обе части плана. В конце 1870 – начале 1880-х годов он становится

⁴² Драгоманов. Автобиографическая заметка. С. 55.

* Денди (нем.).

⁴³ См.: Иван Франко. Документальні фотографії / Ред. І. П. Слупський. Львів, 1971. С. 27.

⁴⁴ See: Yaroslav Hrytsak, Ruslan, Bohdan and Myron: Three Constructed Identities among Galician Ruthenians/Ukrainians, 1830-1914 // Marsha Siefert (Ed.). *Extending the Borders of Russian History. Essays in Honor of Alfred J. Rieber*. Budapest, New York, 2003. Pp. 97-112.

ведущим идеологом формирующегося в Галиции социалистического движения. В 1881 году Франко принял участие в создании Программы галицких социалистов, которая представляла собой смелую попытку адаптировать марксизм к региону с аграрной экономикой и мультиэтнической структурой населения. По поводу последнего Франко от имени всех галицких социалистов разъяснял, что они не принимают предложенное Марксом и Энгельсом разделение на “государственные” и “негосударственные”, “большие” и “малые” нации: “Не существует больших и малых народов: все народы равны и имеют равные права на свободное развитие”. В Галиции, где несколько национальностей проживали рядом, социалисты надеялись создать федеративный союз, основанный на этническом принципе. Предполагалось, что польские и украинские социалисты будут работать каждый на своей территории, а в этнически смешанной среде они объединят свои усилия [45: 456, 461]. Эта программа послужила основанием для учреждения во Львове польско-русинско-еврейского социалистического комитета, в который вошли социалисты этих трех национальностей. Франко представлял в нем украинских социалистов и рабочих, но, поскольку и тех, и других было очень немного, он работал преимущественно с польским пролетариатом. И ввиду того, что его коллеги – еврейские социалисты – были ассимилированы в местную польскую культуру и потеряли связи с еврейской общиной, Франко посредничал между ними и еврейским пролетариатом Дрогобыча и находившихся вокруг него нефтедобывающих производств. В контексте истории социалистического движения галицкий социалистический комитет можно рассматривать как раннего предшественника австромарксизма. С точки зрения истории развития украинской политической мысли, Франко и его наставник Драгоманов представляли федеративное направление, остававшееся доминирующим вплоть до 1917 года и решительно отвергавшее идеал политической независимости Украины. За неприятием идеи независимости стояло опасение, что в независимом украинском государстве ведущие позиции неизбежно будут захвачены дворянством и буржуазией, которые по определению не являлись вполне украинцами и уж точно не были крестьянами.⁴⁵

⁴⁵ Hans Mommsen. Die Sozialdemokratie und die Nationalitätenfrage im habsburgischen Vielvölkerstaat. Bd. 1. Das Ringen um die supernationale Integration der zisleitanischen Arbeiterbewegung (1867–1907). Wien, 1963. S. 241; Ярослав Грицак. Іван Франко про політичну самостійність України // *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Historyczne*. 1993. Vol. 103. Pp. 45-53.

Молодой Франко пытался сочетать национализм и социализм. Социальную привлекательность этой комбинации можно представить по численности и по реакциям его читательской аудитории. Но прежде чем обратиться к анализу местного читательского рынка, нужно сделать одно замечание: до конца XIX века восточно-христианский мир характеризовался относительной бедностью печатной продукции,⁴⁶ и галицкие русины не являлись исключением. Согласно наиболее полной библиографии, между 1801 и 1860 годами местные авторы выпустили 1352 публикации – мягко говоря, это очень скромная статистика. В среднем она дает 22 названия в год. Встречаются не просто отдельные года, но целые десятилетия (между 1801 и 1840 гг.), когда не выходило ни одного русинского романа, рассказа или пьесы.⁴⁷ Франко иронизировал: для того, чтобы доставить все русинские литературные произведения в одно место, понадобится несколько тачек [41: 21]. Наиболее полная библиография Франко включает 4500 названий.⁴⁸ И пусть не все, что он написал, равноценно (что охотно признавал и сам Франко [1: 19]), но одни только его публикации могли служить подтверждением существования отдельной русинско-украинской литературы. Франко стал главной фигурой русинско-украинского культурного производства в обеих империях: до 1886 года он уже входил в двадцатку наиболее продуктивных авторов, а после 1895 года ему просто не было равных по продуктивности.

География его публикаций и языки, на которых были написаны его основные произведения, выходили за границы “воображаемого сообщества” русино-украинцев: значительная часть его работ вышла по-польски за пределами украинской этнической территории. Ирония состояла в том, что в течение первых десяти лет после обращения Франко в украинскую идентичность его произведения были более вос-

⁴⁶ Борис Гудзяк. Криза и реформа. Київська Митрополія, царгородський патріархат і генеза Берестейської унії. Львів, 2000. С. 32-33, 139; Markus Osterrieder. Von der Sakralgemeinschaft zur modernen Nation. Die Entstehung eines Nationalbewusstseins unter Russen, Ukrainern und Weissruthenen im Lichte der Thesen Benedict Anderson // Eva Schmidt-Hartmann (Hg.). Formen der nationalen Bewusstseins im Lichte zeitgenössischer Nationalismustheorien. München, 1994. S. 207; Andreas Renner. Russischer Nationalismus und Öffentlichkeit im Zarenreich 1855-1875. Köln, Weimer, Wien, 2000. S. 119-120.

⁴⁷ Иван Ем[ельянович] Левицкий. Галицко-русская библиография XIX столѣтія с увзглядненіемъ русских изданій, появившихся въ Угорщинѣ и Буковинѣ (1801–1860). Т. 1. Хронологическій списокъ публикацій [1801–1860]. Львів, 1888. С. ix, xx–xxi.

⁴⁸ Иван Франко. Библиография творів. 1874-1964 / Ред. М. О. Мороз. Київ, 1966.

требованы польской читательской аудиторией, нежели русинской.⁴⁹ Для читателей Франко был “русино-польским поэтом”.⁵⁰ Его популярность среди поляков отчасти объясняется широкой циркуляцией польских (по сравнению с русино-украинскими) журналов, в которых он печатался. В 1880 – 1890-х гг. в Галиции соотношение распространяемых экземпляров польских периодических изданий к русино-украинским равнялось 7-8 к 1. Другая причина популярности Франко заключалась в том, что его произведения заполняли имевшиеся в польской литературе пробелы, связанные с жанром популярной пропаганды.⁵¹ Литературные произведения Франко периода 1870 – 1880-х гг. отвечали чаяниям и украинских, и польских социалистов, поскольку они несли в себе универсальное социальное послание. Феликс Дашинский (*Felix Daszyński*), видный польский социалист и переводчик Франко, писал ему: “Когда я закончил читать *Boa* [*Constrictor* – роман о галицийских нефтедобытчиках. – Я.Г.], меня трясло, как в лихорадке. Покажите мне человека, который бы любил людей больше, чем Вы – и я скажу ему, что Вы единственный”.⁵²

При посредничестве польских газет и журналов Франко обращался к читательской аудитории, даже превосходившей рамки польской этничности. Польский язык в значительной степени оставался *lingua franca* на землях “исторической Польши” вплоть до начала Первой мировой войны. Образованные евреи из обеих империй отзывались на польскоязычные публикации Франко по еврейскому вопросу и не замечали его менее однозначных публикаций на ту же тему по-украински. Польские публикации Франко оказывали неожиданное воздействие на русинских читателей в Галиции: поскольку многие из них считали польские журналы более качественными, постоянное присутствие в них Франко подтверждало его высокое мастерство и стимулировало обращаться к его произведениям на русино-украинском языке.⁵³

В 1880-х гг. и до середины 1890-х “воображаемое сообщество Франко” было *prima facie* не нацией украинцев, а многоэтничной “нацией

⁴⁹ Postup // Kurjer Lwowski. 24 listopada 1886. Vol. 4. No. 325. S. 1.

⁵⁰ Цит. по: Иван Франко. Мозаїка. Із творів, що не ввійшли до Зібрання творів у 50 томах / Ред. З. Т. Франко, М. Г. Василенко. Львів, 2001. С. 325.

⁵¹ See: Stanisław Makowski, Tadeusz Styszko. Z nie opublikowanej korespondencji Iwana Fhanki z Adamem Wiślickim // Sławia Orientalis. 1958. Vol. No.1. S. 126.

⁵² Інститут літератури імені Тараса Шевченка НАН України. Відділ рукописів. Ф. 3. Спр. 1603. С. 55.

⁵³ В’ячеслав Будзиновський. Ішли діди на муки. Введення в історію України. Львів, 1925. С. 29.

прогрессистов”. Жирная черта отделяла поклонников его творчества от тех, кто не принимал идеологическое послание его текстов. Как писал консервативный критик о творчестве Франко,

любому читателю его романов прежде всего бросается в глаза очевидное вранье автора: мы ожидаем увидеть реальный мир, а видим мир Франко; мы ожидаем увидеть реальных людей, а видим людей, созданных его воображением. Герои романов Франко – будь то рабочие, паны, священники или крестьяне – не взяты из реальной жизни, они реальны лишь на словах; их психологический образ, их мировоззрение придуманы фантазией автора и субъективно изменены.⁵⁴

Некоторые поклонники Франко соглашались с автором процитированных строк, однако для них отступление от реальности являлось не недостатком, а скорее положительной характеристикой: благодаря тому, что герои Франко не были “глубоко укоренены” в местную реальность, они достигали универсальных человеческих масштабов. “За немногими исключениями, – писал симпатизирующий Франко критик из Российской империи, – мы встречаемся не с галицийскими русинами, а просто с людьми; любой русинский персонаж Франко может быть украинцем, русским, поляком или итальянцем – кем угодно, согласно Вашему желанию!”⁵⁵ Это впечатление подтверждал польский позитивист Станислав Василевский (*Stanislaw Wasilewski*), писавший, что герои Франко были не “русинами, поляками или евреями... – ..., а просто темными и страдающими людьми”.⁵⁶

Вторая трансформация (1896) и ее длительное воздействие

Совпадение идеального сообщества Франко с его реальной читательской аудиторией поражает: оба сообщества имели многоэтничную структуру и были прогрессистскими в идеологическом смысле. Они напоминали позднюю реализацию просвещенческого габсбургского проекта по созданию “цивилизованных галичан”, только теперь – в социалистической и позитивистской версии. Однако идиллическое совпадение двух сообществ не было долгим. Первые трещины проявились

⁵⁴ Зоря. 1 (13) червня 1887. № 11. С. 194.

⁵⁵ А. Хванко [Агатангел Кримський]. [Рецензія] “В повіті чола. Образки з життя робучого люду. Написав Іван Франко. Львів, 1890” // Зоря. 1891. № 12. С. 77.

⁵⁶ Biblioteka Narodowa w Warszawie. Wydział zbiorów specjalnych, mikrofilmy. II, 67675. S. 83-84, 90.

к началу 1890-х гг. Сотрудничая в местной либеральной польской газете “Львовский курьер” (“Kurjer Lwowski”), Франко стал отмечать, что она становится все более националистической и отражает настроения польского дворянства. Развитие социалистического движения привело к возникновению не одной, а двух отдельных социалистических партий – русино-украинской радикальной (1890) и польской социал-демократической (1892). Будучи лидером первой партии, Франко критиковал руководителей второй за предполагавшееся с их стороны снобистское отношение к галицкому русинскому крестьянству. До середины 1890-х гг. доминировали настроения взаимной солидарности, но и взаимное отторжение нарастало с обеих сторон. Растущий антагонизм в конце концов подтолкнул Франко к горькому выводу о том, что “в нынешней ситуации польские социал-демократы – наши злейшие враги”.⁵⁷

Однако последний удар пришел из Вены. В середине 1890-х гг. Галиция стала предметом общегабсбургских дискуссий, причиной чему не в последнюю очередь послужило назначение бывшего губернатора Галиции графа Стефана Бадени Президент-министром Австро-Венгрии. Чтобы обеспечить большинство в Рейхстаге, Бадени создал альянс польских и чешских парламентских депутатов. Поддержка последних была куплена согласием на введение чешского как официального языка в Богемии и Моравии. Это нововведение вызвало сопротивление немецкоязычной бюрократии в самих Богемии и Моравии и яростные протесты немецких националистов повсеместно. С другой стороны, консервативная полтика Бадени спровоцировала волну критики со стороны австрийских социал-демократов, потребовавших его отставки. На какое-то время ситуация вокруг Бадени создала условия для возрождения дискурса *польской (бес)хозяйственности*.⁵⁸

Приблизительно в это время ведущий либеральный австрийский журнал “Die Zeit” обратился к Франко с предложением стать его корреспондентом в Галиции. До этого все попытки Франко пробиться в венские издания проваливались, и он был практически неизвестен немецкоязычному читателю. Но к середине 1890-х годов ситуация изменилась: к тому моменту Франко уже имел докторскую степень Венского университета (1892–1893) и обширные связи с представи-

⁵⁷ Центральний Державний Історичний Архів у Львові. Ф. 663. Оп.1. Спр. 179. Арк. 1.

⁵⁸ Hubert Orłowski. “Polnische Wirtschaft”. Nowoczesny niemiecki dyskurs o Polsce. Olsztyn, 1998. S. 306.

телями венской интеллектуальной и культурной элиты. Постепенно он завоевал репутацию “лучшего эксперта по проблемам Галиции” и “умелого рассказчика”.⁵⁹ Сотрудничество было выгодно как “Die Zeit”, так и Франко: “Die Zeit” получала мастерски написанные репортажи о польской политике в Галиции, а Франко составил себе солидную репутацию среди немецкой читающей публики.

Однако одна публикация в “Die Zeit” привела к тому, что Франко оказался в центре крупного международного скандала и его польские связи резко оборвались. Это была статья “Ein Dichter des Verrates” (*Поэт предательства*), появившаяся в “Die Zeit” в мае 1897 года.⁶⁰ В статье разоблачались двойные стандарты польской элиты, которая, с одной стороны, жаловалась на притеснение поляков, а с другой – не возражала против притеснения галицких русин. Истоки этой лицемерной позиции Франко обнаруживал в духовном влиянии Адама Мицкевича. По словам Франко, польский поэт возвел лицемерие во имя национальных интересов в статус героизма. С того дня, когда произведения Мицкевича появились в программе галицийских школ, польское юношество стало подвергаться моральному разложению.

Статья появилась в контексте недавних венских событий как очередная атака на Бадени и польскую политику,⁶¹ однако ее последствия превзошли ожидания автора. Помимо венского контекста, она оказалась прочитанной и в специфическом польском контексте: именно в это время поляки наконец добились от российских властей разрешения на установку в Варшаве памятника Мицкевичу и развернули кампанию по сбору средств. Статья Франко в русском и польском переводе вышла в Варшаве,⁶² и многие польские патриоты восприняли ее как политическую клевету, работающую на руку российскому правительству. Во Львове Франко подвергся нападениям и оскорблениям. Напротив его

⁵⁹ Цит. по: E. Winter, P. Kirchner (Hg.). Ivan Franko. Beiträge zur Geschichte und Kultur der Ukraine. Ausgewählte deutsche Schriften des revolutionären Demokraten, 1882-1915. Berlin, 1963. S. 458, 460.

⁶⁰ Iwan Franko. Ein Dichter des Verrathes // Die Zeit. 8 Mai 1897. Bd. 11. H. 136. S. 86-89.

⁶¹ Франко на себе испытал политику Бадени: именно Бадени не позволил ему получить профессорское место и создавал проблемы, когда Франко был кандидатом на местных выборах от русино-украинской радикальной партии.

⁶² Poeta zdrady (Ein Dichter des Verrathes). Na język polski przelożył i wydał Patryota polski. Z przedmową wydawcy. Warszawa, 1897; Поэт измены (Ein Dichter des Verrathes) / Перевод с польского издания, дополненного предисловием “Польского патриота”. Варшава, 1897.

дома кто-то подвесил соломенное чучело с надписью “Так закончит Франко”. Статья чуть не стоила Франко жизни: польский студент стрелял в него, но, к счастью, промахнулся.

Это неудачное покушение на жизнь Франко было первым случаем политического терроризма в Галиции. Оно символизировало поворот к более жесткой политике, аналогичный тому, который совершался в это время в Вене. Логика событий вела к эскалации этнического насилия, кульминацией которого в Галиции стала польско-украинская война 1918-1919 годов. Инцидент 1897 года поставил точку в истории, которую позднее Франко называл своей “батрачеством у соседей” (*най-мами у сусідів*). Когда на следующий день после публикации “Dichter des Verrathes” Франко пришел на работу в “Kurjer Lwowski”, все его польские коллеги демонстративно покинули помещение. Затем один из них вернулся, чтобы огласить редакционное решение: “Вы больше здесь не работаете”. Франко прекратил печататься по-польски, или, точнее, польские периодические издания больше не печатали его произведения. В глазах польской публики за Франко прочно закрепилась репутация украинского шовиниста и полонофоба.⁶³

Все произошедшее подтолкнуло Франко к переосмыслению своих идеологических позиций. С момента, когда польско-украинское национальное противостояние проникло в среду галицких социалистов, сосуществование социализма и национализма стало невозможным. Так или иначе, приходилось выбирать. В 1899 году Франко вышел из русино-украинской радикальной партии, объяснив это тем, что чувствует себя более украинцем, чем социалистом. Приблизительно в это же время он отказывается от федеративного идеала и принимает идею украинской политической независимости.⁶⁴ Такому решению способствовало и знакомство с *Judenstaat* (1896) Теодора Герцля, с которым Франко встречался в Вене и обсуждал параллели между сионизмом и украинским национализмом. Предположительно Герцль послужил прототипом героя поэмы Франко “Моисей” (1905).⁶⁵ Это был его поэтический *magnum opus*, прославлявший будущую незави-

⁶³ В 1908 году Франко опубликовал текст, который представил как неизвестную поэму Мицкевича “Wielka Utrata”. Текст оказался фальшивкой, а Франко подвергся резкой критике в польских газетах. Его обвиняли в нелепой попытке примириться с поляками – так интерпретировали его критики эту историю.

⁶⁴ Іван Франко. *Ukraina ingredienta* // Життя і слово. 1896. № 4, 6. С. 471-483; Idem. *Państwo żydowskie* // Tydzień. 9. III. 1896. No. 10. S. 73-74.

⁶⁵ Asher Wilcher. *Ivan Franko and Theodor Herzl: To the Genesis of Franko's Mojsej* // *Harvard Ukrainian Studies*. 1982. No. 6. Pp. 233-243.

симость Украины. Многие читатели видели в “Моисее” политическое завещание Франко.

Последний этап трансформации Франко в украинского национального поэта сопровождался реконфигурацией его читательской аудитории. Теперь она была преимущественно, если не целиком, украинской, что означало, помимо прочего, значительное сокращение числа читателей. По самым оптимистическим оценкам, к концу XIX века среди 30.000 семей образованных русин в Габсбургской империи у Франко имелось не более 3.000 постоянных читателей. Средний тираж русино-украинской книги насчитывал от 500 до 1000 экземпляров и продавался за один-два года. Столь ленивый рынок не приносил существенного дохода ни издателю, ни автору.⁶⁶ Чтобы существовать, писателю нужно было иметь дополнительные источники дохода либо работать в безумном ритме. С конца XIX века и до 1930-х гг. в русино-украинской общине Галиции воспроизводился один и тот же замкнутый круг: ограниченный книжный рынок не мог родить профессионального писателя, а недостаток профессиональных писателей тормозил рост читающей публики. Будучи успешным профессиональным писателем, Франко являл собой единственное исключение из этого правила,⁶⁷ но оборотной стороной его успеха была необходимость работать беспрерывно, не останавливаясь для того, чтобы что-то переосмыслить и переписать. Такое существование выматывало Франко психологически и физически, и в 1908 году долго тянувшееся заболевание вылилось в психический срыв. Страдала и литературная деятельность: вопреки собственным пристрастиям, Франко не мог себе позволить писать романы. Периодически проводившиеся опросы публики подтверждали, что он оставался самым популярным украинским писателем в Галиции, однако довольно часто его читали не для удовольствия, а в силу “национального долга”. Даже в последние годы жизни Франко, да и после его смерти, галицкие русино-украинские читатели предпочитали местным авторам иностранных⁶⁸ – эта ситуация не изменилась со времен молодости Франко.

Франко считал, что если бы у него был свободный доступ к читателям в Российской империи, его жизнь сложилась бы иначе [48: 267]: в

⁶⁶ Укр.-русська літературна продукція і конзумція // Літературно-Науковий Вістник. 1899. № 2, 6. С. 188.

⁶⁷ І. Свенціцький. Дещо про науку, літературу і мистецтво Галицької України за остатніх 40 літ // Діло. 14 січня 1928. № 10. С. 15.

⁶⁸ Євген Грыцак. Вибрані українознавчі праці. Перемишль, 2002. С. 416-418.

конце концов, именно там проживали 80-85% членов (потенциальной) украинской нации. На самом же деле украинский книжный рынок в Российской империи был даже меньше, чем в Габсбургской. Во-первых, в украинских губерниях империи Романовых уровень грамотности был значительно ниже, чем в Галиции, и, во-вторых, запрет на публикации на украинском языке действовал до 1905 года, а периодические репрессии практиковались вплоть до 1917.⁶⁹ Наконец, русская аккультурация и ассимиляция украинских читателей сводила к минимуму привлекательность украинской литературы.⁷⁰ В результате украинский книжный рынок в Российской империи служил приложением к галицийскому, а не наоборот.⁷¹

Сложившийся таким образом баланс резко нарушился после революции в Российской империи, приведшей, помимо прочего, к созданию в 1917–1922 гг. Украинской советской социалистической республики. Первое десятилетие советской власти на Украине прошло под знаком политики украинизации, что подразумевало также масштабный проект по изданию классической украинской литературы. В 1920–1930-х гг. произведения Франко выходили тиражами от 3.000 до 30.000, а в некоторых случаях тиражи достигали 100.000–200.000 экземпляров. Скромный масштаб галицких публикаций просто не выдерживал сравнения. После Второй мировой войны, в результате которой Галиция оказалась в составе советской Украины, тиражи Франко выросли до 350.000.⁷²

⁶⁹ У самого Франко имелись давние и сложные счеты с русской цензурой. См.: Царская цензура о произведениях писателя И. Франка. Вводная статья Полянской // Красный архив. 1940. Т. 1. № 98. С. 263-277; І. Куриленко. Заборона творів І. Франка царською цензурою. Подав... // Радянське літературознавство. 1959. № 1. С. 137-141; Григорій Павленко. Іван Франко і царська цензура (90-ті рр. ХІХ ст.) // Українське літературознавство. Республіканський Міжвідомчий Збірник. Іван Франко. Статті і матер'яли. Т. 26. Львів, 1976. С. 23-30; Іван Франко і царська цензура (1909-1914 рр.) // Carpathica- Карпатика. Т. 6. Ужгород, 1999. С. 204-209.

⁷⁰ Olga Andhiewsky. The Politics of National Identity: The Ukrainian Question in Russia, 1904-1912 / Ph.D. Dissertation; Harvard University, 1991. P. 193; Євген Маланюк. Книга спостережень. Проза. Toronto, 1962. С. 12.

⁷¹ Ситуация на польском книжном рынке развивалась обратным образом: даже после введения автономии для Галиции Варшава сохранила статус столицы польского книгопечатания. См. сн. 31 выше. 1880-х гг. русино-украинские патриоты в Галиции говорили, что были бы счастливы, если бы вся русская Украина производила половину печатной продукции, выходящей в одной Варшаве ([Олександр Барвінський]. Огляд словесної праці австрійських русинів за рік 1881 // Діло. 2 (12). 01. 1882. № 1. С. 4).

⁷² Іван Франко. Бібліографія творів (1874-1964).

Безусловно, наследие Ивана Франко было пересмотрено и отцензурировано в соответствии с требованиями коммунистической пропаганды. Некоторые его произведения, в частности “Der Dichter des Verrathes” или отзывы о Теодоре Герцле, не то что никогда не воспроизводились в печати – они даже не упоминались. И советские идеологи, и украинская диаспора в Северной Америке, руководствуясь кардинально противоположными соображениями, прилагали усилия для перевода и распространения произведений Франко за пределами Советской Украины. Однако свидетельств того, что неукраинцы искренне интересовались его творчеством, у нас нет. Уже в 1920-х годах, всего через несколько лет после смерти Франко и конца Габсбургской монархии, он оказался практически забыт в новых государствах, возникших на обломках империи.⁷³

Заключение

Тезис о том, что формирование нации в значительной степени зависит от международного контекста, далеко не нов.⁷⁴ Написанные в этой логике исследования восточноевропейских национализмов концентрируются на анализе политических факторов и деятелей: Берлин/Вена vs. Санкт-Петербург, центральные имперские органы управления vs. различные периферийные национализмы, противостояния периферийных национализмов на оспариваемых территориях. На этом фоне биография Ивана Франко вскрывает важность культурной составляющей: политические границы могут доминировать над географическими, но возникающие культурные пространства перекрывают и те, и другие.

⁷³ Ярослав Грдинський. Сучасне франкознавство (1916-1932) // Записки НТШ. 1933. Т. 153. С. 85; Mirosława Kosińska, Zofia Zydanowicz. Iwan Franko w Polsce do 1953. Maszynopis. Biblioteka Narodowa. Zakład Informacji Naukowej. Warsaw, n.d.; Зарубіжне франкознавство. Бібліографічний показник / Ред. Мирослав Мороз. Львів, 1997.

⁷⁴ Классический пример: Liah Greenfeld. Nationalism. Five Roads to Modernity. Cambridge, MA and London, England, 1992. Применительно к Украине см.: Mark von Hagen. The Dilemmas of Ukrainian Independence and Statehood, 1917-1921 // The Harriman Institute Forum. 1994. Vol. 7. No. 5. Pp. 7-9; John-Paul Himka. The Construction of Nationality in Galician Rus': Icarian Flights in Almost All Directions // Ronald G. Suny and Michael D. Kennedy (Eds.). Intellectuals and Articulation of the Nation. Ann Arbor, 1999. Pp. 109-164; John-Paul Himka. Religion and Nationality in Western Ukraine. The Greek Catholic Church and the Ruthenian National Movement in Galicia, 1867-1900. Montreal & Kingstone, London, Ithaca, 1999; Roman Szporluk. Ukraine: From an Imperial Periphery to a Sovereign State // Idem. Russia, Ukraine and the Breakup of the Soviet Union. Standford, CA, 2000. Pp. 361-394.

Обращение к биографии Франко позволило нам увидеть пространства, которые обычно не замечают авторы исследований, ориентированных на анализ политических процессов. Таким было, безусловно, немецкое культурное пространство. Учитывая международный характер доминирования немецкой культуры, восточноевропейский XIX век вполне можно назвать “немецким”. Для Габсбургской и Российской империй этого времени было характерно наличие большого числа немецкоязычных журналов и говорящих по-немецки университетских профессоров. Местные писатели, ученые и художники так или иначе стремились воспроизводить немецкие образцы, и, ориентируясь на Берлин, Вену и другие центры немецкой культуры, собственную культурную продукцию они часто оценивали как второсортную и провинциальную. В этом культурном немецком пространстве могли развиваться или, напротив, тормозиться местные национальные проекты – но в силу своего космополитизма немецкая культура не стимулировала эксклюзивные национальные идентичности.

Вторым большим культурным пространством биографии Франко было пространство *Руси*, охватывавшее преимущественно вненациональный, глубоко традиционный и нечетко очерченный мир восточного христианства. Используя метафору Бенедикта Андерсона, *Русь* можно назвать сакральным сообществом и как таковое противопоставить “воображаемому сообществу” современной нации. И если формирование одной нации всегда предполагает расформирование других, то формирование современных белорусской, русской и украинской наций означало расформирование *Руси*. Важнейшим фактором этого процесса было возникновение секуляризированной современной культуры, бросившей вызов традиционным и религиозным ценностям. Именно такой была возникавшая современная украинская культура, сочетавшая радикальные идеологические версии национализма с социализмом – Шевченко с Марксом. Как писал галицкий русофил и оппонент Франко,

украинизм – это результат нового направления в духовной жизни Европы, которое формировалось медленно, начиная со второй половины XVIII века, и шло с Запада на Восток, пока не достигло России и не произвело революцию в мировоззрении образованных слоев русского народа. В области науки оно породило эмпирицизм, в области литературы – реализм, а в политическом и социальном отношении – идею индивидуальной свободы и равенства всех людей.⁷⁵

⁷⁵ С[вистун]. Чѣмъ есть для насъ Шевченко? С. 24.

Мой тезис состоит в том, что до 1914 года нигде идея *Руси* не подвергалась столь радикальной переработке, как в габсбургской Галиции. Расформирование *Руси* происходило по мере того, как Галиция превращалась из провинции космополитического немецкого пространства в ведущий центр национализирующегося польского пространства. Биография Франко – яркое свидетельство того, как влияла эта трансформация на украинский национализм. С одной стороны, идеология украинского национализма стала более сложной и артикулированной, а с другой – более эксклюзивной. За привилегию быть украинским поэтом Франко заплатил дорогую цену, целиком потеряв свой прежний интернациональный статус и известность...

Попытайтесь вписать в Google “Franko+Galicia”, и поисковик немедленно спросит: “Вы имели в виду: *Franco*+Galicia”?⁷⁶

SUMMARY

The article tells the story of a Ukrainian writer Ivan Franko from Habsburg Galicia. He had many identities and loyalties (he commanded at least four languages – German, Polish, Yiddish, and Ruthino-Ukrainian; his cultural orientations changed over time ranging from German and Polish to Ukrainian; he was a federalist before he became a Ukrainian nationalist; etc.). Franko is remembered and venerated today as a Ukrainian national poet – as a matter of fact, as the greatest Ukrainian national poet, second only to Taras Shevchenko (1814-1861) from the Russian Ukraine. By the end of his life Franko was considered an unparalleled leader of the development of a modern Ukrainian identity insofar as the Ruthenians shifted from being a largely illiterate, agrarian, and self-sufficient peasant community to being a largely literate, mobilized, and integrated society – in short, to being a modern nation. Franko became a role model for many educated Ruthenians of his and the next generation. In this sense, his personal choice of Ukrainian identity had significant social consequences. Yaroslav Hrystak offers an interpretative essay of Franko’s transformation into a Ukrainian national poet. The main claim of the article is that this transformation can be adequately understood only in a wider transnational and imperial context: Franko rose to the status of national poet not in spite of, but due to the multiethnic and multicultural facts of his biography.

⁷⁶ Последнее посещение 16 марта 2007. Развивая сравнение: комбинация “Franko+Galicia” дает 19100 отсылок, тогда как “Franco+Galicia” открывает поток из 1240000 отсылок.